

А.М. Степанов, М.Л. Ни

**ЧТО ДЕЛАЕТ МИГРАНТСКИЕ ОНЛАЙН-ГРУППЫ
СООБЩЕСТВАМИ?
ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ «РАДИКАЛЬНОЙ МИКРОСОЦИОЛОГИИ» Р.
КОЛЛИНЗА**

**A. Stepanov, M. Ni. What makes online migrant groups communities? A
view from Randall Collins' "Radical microsociology"**

Аннотация. В эпоху транснациональной миграции социальные сети и мессенджеры позволяют создавать замкнутые группы, объединяющие мигрантов со схожими интересами и практиками. Подобные группы вовсе не обязательно предполагают наличие коллективно разделяемого мифа об общем происхождении (Б. Андерсон) или проживания на общей территории (Р. Парк). Настоящая статья организована вокруг поисков теоретических оснований для ответа на два вопроса: Что делает мигрантские онлайн-группы сообществами? Почему мигрантские онлайн-сообщества не распадаются? Авторы обращаются к теории цепочек ритуалов взаимодействия Р. Коллинза, которая объясняет устойчивость сообществ в терминах создания групповых символов и накопления эмоциональной энергии в повседневных взаимодействиях.

Ключевые слова: транснационализм, миграция, нетнография, онлайн-сообщества, ритуалы взаимодействия, микросоциология..

Контактная информация: Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, тел.: (812) 710 00 77, e-mail: 9160001@inbox.ru; jintae@mail.ru

Abstract. At the age of transnationalism, social networks and messengers enable to create groups that assemble migrants with similar interests and practices. These groups may and may not imply shared myth of common origin (B. Anderson), or living in a common territory (R. Park). What makes these online groups communities? And why do not they break up? This paper is organized as theoretical consideration of these two questions. Interaction ritual chains theory developed R. Collins explains reproduction of communities in terms of group symbols and accumulation of emotional energy during everyday interactions.

Keywords: transnationalism, migration, netnography, online communities, interaction rituals, microsociology

Contact information: 7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, tel.: (812) 710 00 77, e-mail: 9160001@inbox.ru; jintae@mail.ru

Современная конфигурация миграционных потоков в корне отличается от привычных для обыденного сознания точек зрения и классических социологических подходов. Решение о переезде в другую страну сегодня далеко не всегда означает разрыв социальных отношений со страной исхода [4]. Массовое распространение и развитие логистических, транспортных и информационно-коммуникационных технологий сегодня позволяет людям рассматривать страны с более высоким уровнем заработных плат как большой «офис», пригодный для своеобразного варианта «вахтовой» работы. В социальных науках подобные изменения в глобальном режиме миграции и распределения капитала концептуализируются в рамках транснационального подхода [8]. Транснационализм возникает в середине 1990-х в форме

Степанов Александр Михайлович - кандидат социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Ни Максим Леонидович - аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета

A. Stepanov - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of St. Petersburg State University

M. Ni - Postgraduate student of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University

© Степанов А.М., Ни М.Л., 2023

критики традиционной социально-политической оптики, отождествляющей границы общественных формаций с границами национальных государств [22]. Апологеты транснационализма отмечают, что пространственные перемещения современных мигрантов идут рука об руку с поддержанием коммуникации с родственниками и друзьями мигрантов, оставшихся в стране исхода. Таким образом, конструируются социальные поля, находящиеся над пространствами государств [8:52]. Внутри транснациональных полей или пространств постоянно циркулируют материальные и финансовые потоки, культурные символы и знание.

Распространение транснациональной миграции имеет ряд принципиальных следствий для миграционных исследований. Во-первых, в отличие от классических подходов, учитывающих факторы социально-экономического развития стран исхода и стран назначения в качестве предикторов международной мобильности [15:36], транснационализм позволяет разрабатывать более тонкие объяснительные модели, учитывающие исторический контекст и взаимозависимости между различными точками на глобальной карте.

Во-вторых, транснациональные поля обмена оказывают существенное влияние на культурную идентичность. Люди осваивают новое знание (язык, сленг и др.), в обиход вводятся новые практики и товары, ввезенные из-за границы. Те, кто не имеет опыта трудовой миграции, потенциально включают в свой горизонт мышления возможность уехать на заработки, а опытные мигранты даже при условии принятия решения о прекращении поездок всегда имеют опцию возвращения [2].

В-третьих, транснациональные поля поддерживаются за счет разнообразных практик поддержания связей со страной исхода. Сюда включается все, начиная от звонков семье, заканчивая сложными схемами поддержания распределенного домохозяйства [18: 437]. При этом одни формы транснационализма могут способствовать двойной интеграции в культурные и институциональные среды стран исхода и стран назначения, а другие – напротив, отрицательному или ограниченному стремлению к интеграции [20].

Концентрация на процессах транснациональной миграции с неизбежностью привлекает внимание исследователей к изменениям в способах коммуникации. Так, широкое распространение относительно дешевых способов доступа в интернет не только позволяет мигрантам более интенсивно выстраивать транснациональные связи, но и формирует целый пласт новых режимов взаимодействия, основанных на вариативности средств связи [17]. Особый интерес в этом отношении вызывают виртуальные социальные сети, которые существенно расширяют репертуар режимов коммуникации посредством механизма «сообществ» или «групп».

Онлайн-группы в социальных сетях, посвященные международной миграции, выступают одновременно и как место общения, и как архив информации, побуждающей или отпугивающей от принятия решения о поездке. Знания и компетенции, осваиваемые потенциальным мигрантом, обеспечивают ему первичный символический образ потенциальной страны назначения [7]. Общение мигрантов и пока еще не-мигрантов в социальных сетях воплощает идею схватывания множества мест в одном [9:220]. По этой причине исследования онлайн-групп становятся важной точкой роста для миграционных исследований. Так, ретроспективная этнография онлайн-площадок может быть использована для получения информации о процессах трансформации культурной и гражданской идентичности участников транснациональных процессов [13]. Существуют исследования, наглядно выявляющие роль пространств онлайн-коммуникации в построении закрытых мигрантских рынков обмена товарами и услугами [6]. Кроме того, анализ коммуникации в виртуальных социальных сетях позволяет продемонстрировать альтернативные способы построения близости и надграницных диаспоральных отношений [10].

Однако то, что обычно выходит за пределы внимания исследователей мигрантских онлайн-групп, – это механизмы их устойчивости. Работы антропологов, специализирующихся на исследовании онлайн-сообществ, демонстрируют тот факт, что

сетевое общение способствует формированию «виртуальной близости» [21], однако далеко не каждая группа в социальных сетях сохраняет свою активность на протяжении долгого периода времени.

В данной статье мы предлагаем концептуальную основу для анализа механизмов устойчивости онлайн-групп в социальных сетях и мессенджерах, основанную на теории цепочек ритуалов взаимодействия Рэндалла Коллинза.

Первичным импульсом проведения данного исследования послужили обсуждения результатов полевой работы в среде трудовых мигрантов из стран СНГ в Южной Корее, выполненной одним из авторов настоящей статьи. Оказалось, что онлайн-группы в социальных сетях и мессенджерах играют существенную роль в повседневной жизни мигрантов. В них публикуется информация, позволяющая оптимизировать поиск работы и общие процессы адаптации к стране, мигранты общаются в онлайн-группах, используя специфический мигрантский сленг, что позволяет выдвинуть гипотезу о формировании устойчивых сообществ практики. Однако выделить схему, объясняющую устойчивую активность групп, нам так и не удалось, в связи с чем мы сформулировали следующий исследовательский вопрос: Почему мигрантские группы в социальных сетях не распадаются? Что выполняет для них роль «социального клея»?

В ходе поиска стратегии для ответа на поставленные вопросы мы обратили внимание на широкое распространение в социологической и социально-антропологической литературе использования понятия «сообщество» применительно к онлайн-группам. Однако в контексте новых медиа данный термин требует рефлексивного отношения. В частности, Роберт Козинец, автор понятия «нетнография», отмечает, что далеко не всякая технически ограниченная совокупность людей в сети является сообществом. Группы, подлежащие изучению должны, как минимум, ощущаться как сообщество (*feel like community*) [16:10], что предполагает наличие сильных связей, вырисовывающих границы круга общения, а также продолжительный период существования групп.

В качестве основы определения сообщества в социальных науках мы можем различить, как минимум, два основных источника. Во-первых, это концепция «сообщества», разработанная в рамках чикагской школы социологии. Ее основатель Роберт Парк определил сообщество как группу людей, проживающих в городе на территории с четкими физическими и символическими границами [19]. Культура группы, групповой статус и ядро ее солидаризации оказывается зависимой переменной от занятой пространственной ниши. Однако при переносе в сетевой контекст понятие границ оказывается проблематичным в связи с тем, что виртуальные сообщества далеко не всегда имеют привязку к территории либо данная привязка не является достаточным основанием для формирования сообщества¹.

Другой распространенный вариант концептуализации сообщества разработан Бенедиктом Андерсоном [1]. Для него сообщество – это воображенная идея о безусловной близости между людьми, которые могут никогда не встречаться друг с другом. Аккумуляция и эмпирический референт воображенного единства – это культурные нарративы, обосновывающие общее происхождение, национальное или этническое самосознание, а также общий язык и групповые символы². Такая концептуализация подходит для исследования виртуальных диаспор [10] и продленного национализма [14], но транснациональные миграционные потоки принимают и другие конфигурации. К примеру, состав русскоязычных онлайн-групп, посвященных трудовой миграции в Южную Корею,

¹ К примеру, территориальная концептуализация может быть продуктивной и служить хорошим инструментом различения в случае групп типа «Жители Поселка Н. в США». Однако при укрупнении наименования населенного пункта с неизбежностью теряется культурная гомогенность, что определяет снижение эффективности базовой концептуализации.

² Классический пример группового символа – памятник неизвестному солдату и национальные музеи.

характеризуется культурной гетерогенностью: все, что объединяет их членов, – это язык, общий интерес к заработку в чужой стране и, возможно, опыт проживания в некогда единой стране.

В свете представленных концептуальных затруднений, для анализа мигрантских онлайн-групп требуется иная теоретическая рамка, обосновывающая способы сплочения людей по-иному. На наш взгляд, продуктивным решением является обращение к теории ритуалов взаимодействия Рэндалла Коллинза, которую автор именуется «радикальной микросоциологией» [12]. Коллинз обращается к наследию позднего Дюркгейма и его рецепции в работах Ирвинга Гофмана: в центр внимания выводится тезис о том, что социальные феномены возникают как результат успешных коллективных ритуалов. Ритуал, следуя за Гофманом, понимается в строго секуляризованном смысле, как социальное взаимодействие в группе от двух человек и более. Коллинз различает успешные и неудавшиеся ритуалы. Успешный ритуал характеризует несколько важных факторов:

1) Со-присутствие участников взаимодействия, отделенных групповой границей от остального мира;

2) Наличие в структуре ситуации объекта, на котором фокусируется внимание участников;

3) Общий культурный капитал, под которым понимается запас ресурсов, необходимых для взаимодействия. Таковыми могут выступать совокупность общих тем для разговора, культурные компетенции, выраженные в стиле общения, жестах, мимике [12];

4) Общий эмоциональный настрой участников ритуала, направленный на объект общего внимания.

При наличии данных компонентов возникает эффект интерференции общего эмоционального настроения и концентрации на объекте, что в своем апогее приводит к возникновению эффекта «коллективного бурления» (*collective effervescence*). Участники взаимодействия синхронизируют речевые и поведенческие паттерны [12: 48], что ведет к нескольким следствиям. Во-первых, усиливается ощущение общности опыта (совпадение культурного капитала), возникает групповая солидарность. Во-вторых, появляются групповые символы сакрального характера, по отношению к которым возникают стандарты групповой морали. Нарушение стандартов групповой морали ведет к применению санкций, различающихся в зависимости от степени эмоциональной вовлеченности. Наконец, эмоциональная интерференция генерирует специфический ресурс, подлежащий накоплению, – эмоциональную энергию. Под эмоциональной энергией подразумевается готовность участников к вступлению в сходные виды ритуальных взаимодействий.

Согласно Коллинзу, ритуалы взаимодействия имеют тенденцию агрегироваться в хорошо различимые цепочки коллективного поведения, опознаваемые постфактум как видимые участки мезо- и макро-структуры. Подобное суждение вытекает из максимы поведенческой рациональности, согласно которой люди стремятся к максимизации эмоциональной энергии. Кроме того, необходимо иметь в виду, что эмоциональная энергия, накопленная в рамках дискретных ритуалов, имеет тенденцию к постепенному угасанию, и, следовательно, требует перезарядки в новых взаимодействиях.

Применение концептуальных наработок Коллинза позволяет трактовать онлайн-сообщества в предельно эмпирическом ключе¹. Мы можем успешно пройти между Сциллой привязки группы к территории и Харибдой культурного конструирования путем индуктивного вычленения групповых символов, возникающих в процессе повседневных взаимодействий. Именно групповые символы, вырабатываемые на основе цепочек

¹ Эмпирическое исследование, основанное на применении теории Коллинза к онлайн-сообществам мигрантов, а также более детальный обзор исследований онлайн-сообществ представлен в [5].

успешных ритуалов взаимодействия, являются основой для «социального клея» сообщества – солидарности. На наш взгляд, подобный подход позволяет демонстрировать конкретные механизмы

Литература.

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016
2. Бредникова О.Е. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? Этнографическое обозрение. № 3. 2017, С. 32-47
3. Дериглазова Л.В. Возможно ли отказаться от «дискурса интеграции мигрантов как консервативного анахронизма эпохи транснационализма». Сибирские исторические исследования. 2017, № 2., с.184-202.
4. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М.: Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, 2017
5. Ни М. Л. Онлайн-сообщества трудовых мигрантов в России и Южной Корее как цепочки ритуалов взаимодействия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 92—114.
6. Тимошкин Д.О. Доверие vs дезориентация: экономика русскоязычных «мигрантских» групп в социальных сетях. Экономическая социология. 2019, Т. 20. № 5. С. 53–73
7. Трегубова Н.Д. Транснациональный мигрант в интернете: теоретические основания исследования транснационализма «онлайн» // Мониторинг общественного мнения. 2020, №2
8. Basch L., Glick-Schiller N., Szanton Blanc C. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States, New York: Gordon and Breach, 1995
9. Boccagni, P., & Schrooten, M. Participant observation in migration studies: An overview and some emerging issues. In R. Zapata-Barrero, & E. Yalz (Eds.), Qualitative research in European migration studies. IMISCOE Research Series. Champaign IL: SpringerOpen. 2018, pp. 209–225
10. Brinkerhoff J.M. Digital Diasporas: Identity and Transnational Engagement. Cambridge University Press, 2009
11. Collins R. On the Microfoundations of Macrosociology // The American Journal of Sociology. 1981, Vol. 86. No. 5
12. Collins R. Interaction Ritual Chains, Princeton: Princeton University Press, 2004
13. Gius C. Online communities as points of observation of the transnational migrant career: a case study on Italian immigrants in Toronto. Journal of Ethnic and Migration Studies, 2019, DOI: 10.1080/1369183X.2019.1684247
14. Gündüz U., Erdem B. K. The concept of virtual nationalism in the digital age: social media perspectives of Turkey. Communication Today, 2017, Vol. 8(2). pp. 18-28
15. Kivisto P., Faist T. Beyond a Border: The Causes and Consequences of Contemporary Immigration. London: Pine Forge Press 2010
16. Kozinets R.V. Netnography: Doing Ethnographic Research Online. London: SAGE, 2010
17. Madianou M., Miller D. Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication. International Journal of Cultural Studies. 2012, Vol. 16 (2), pp. 169-187
18. Massey D., Arango, J., Hugo, G., Kouaci, A., Pellegrino, A., Taylor, J.E. Theories of international migration: a review and appraisal // Population and Development Review, 1993, 19 (3) pp. 431-466
19. Park R. E. The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order // Park R. E. Human Communities. The City and Human Ecology. — Glencoe, Ill.: The Free Press. —1952, pp. 165-177
20. Portes, A., & Rumbaut, R. Legacies: The story of the immigrant second generation. Berkeley: University of California Press. 2001
21. Schrooten M. Moving ethnography online: Researching Brazilian migrants' online togetherness. // Ethnic and Racial Studies, 2012, Vol.35(10), pp. 1794–1809
22. Wimmer A., Glick-Schiller N. Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences // Global Networks 2002, №2 (4). pp.301–334